НИНЕЛЬ НУАР

ПЕПЕЛ и ЛЕД

Нинель Нуар

Пепел и лед

«Автор»

2019

Нуар Н.

Пепел и лед / Н. Нуар — «Автор», 2019

В столичной Академии пополнение. От новой преподавательницы бытовой магии не ждут особых свершений - студенты не прогуливают предмет, и ладно. Но когда начинают пропадать первокурсники, подозрение падает именно на неё. Похоже, что магичка - не та, за кого себя выдаёт. Целителю душ, единственному эльфу на всю академию, предстоит разобраться, кто есть кто и в чем виноват. Осторожно! Героиня истерична и социопатична, ругается, пьет и занимается развратом. Герой - педант и зануда. У всех действующих лиц имеются в голове тараканы!

© Нуар Н., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Пролог 5
1 6
2 14
3 20
4 25
5 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Нинель Нуар
Пепел и лед

Пролог

Все тот же сон.

Она знает, что происходящее не реально.

Это не предсказание, не пророчество. Все уже случилось, давным-давно.

Но от этого ей не менее жутко. Даже более, потому что она знает, что будет дальше.

Трупные мухи с надрывным жужжанием кружат над павшими. Тела повсюду. Молодые, старые, мужчины, женщины, дети.

Она идёт по улицам, на которых только час назад кипела жизнь.

Щербатые камни мостовой неприятно холодят босые ноги. Белая рубашка развевается на ветру, путаясь в коленях насмешкой над царящим тленом. Светлая, праздничная шелковистая ткань совершенно не к месту на похоронах. А несколько тысяч жителей этого приморского городка даже похоронить не удалось.

Заклятие не пощадило никого, в разы ускорив процесс разложения. Вонь стоит неимоверная. На некоторых телах уже полностью облезла плоть, обнажая глянцево поблескивающую кость.

Уже завтра город будет пуст и чист. Органика разложится окончательно, кости рассыплются в прах, весенний ветерок унесёт запах тлена.

Через десять лет заброшенные строения зарастут травой и кустарником. Селиться в проклятом месте заново желающих не найдётся.

Пятьсот лет спустя события станут легендой. Страшной сказкой, передаваемой в эльфийских семьях из поколения в поколение, с моралью – не подпускай людей к себе, не давай им приблизиться к дорогим тебе людям на расстояние магического удара.

Эльфийские царства замкнутся в себе, выслав всех человеческих поселенцев и наглухо замкнув границы. Применить санкции и пойти войной на людей они побоятся – при такой магической мощи рассчитывать на победу не приходится.

Слишком уж много человеческих магов, особенно боевых, тягаться с ними у эльфийских лекарей и природников нет ни сил, ни желания. Куда проще оказалось запереть немногочисленные горные тропы, ведущие в Эллирию.

Шли годы. Хроники стали легендами, очевидцы, даже их дети, отправились в мир иной. Вечно не способны жить даже эльфы. Они, конечно, долгожители, сравнивая с людьми – триста лет против девяноста-ста в лучшем случае. Но и они не бессмертны.

В отличие от неё.

1

Дан

Данатриэль из Царства Цветущей Весны уверенно шёл по коридорам академии, ловя на себе заинтересованные, игривые и откровенно приглашающие взгляды. Неизвестно, почему человеческие женщины считали острые уши и тонкие черты лица эльфийского народа настолько привлекательными, что готовы были сами бросаться на любого представителя его расы, но ему это внимание встряло острой рыбной костью поперек горла. И не плюнешь, и не проглотишь. Заводить романы с человечками ему категорически запретил глава Дома Целителей, а игнорируемые женщины, оскорбленные в лучших чувствах, становились все наглее и навязчивее.

Приходилось держать себя холодно и неприступно, заранее создавая имидж следующим представителям эльфийской расы. Дану это было несложно – он и в повседневной жизни был довольно холоден и расчётлив. Потому его, в частности, и послали к людям. В нем не было порывистости, спонтанности и непредсказуемости, свойственной большинству эльфов. Он предпочитал всегда все разложить по полочкам, как буквально, так и фигурально. И если человечки под запретом – значит, их просто не существует.

На нем лежала ответственность, как на первом эльфийском преподавателе в Академии Магии, и он не мог подвести свой народ.

Огорчало его только поведение соотечественников, особенно молодых особей, недавно прибывших в Академию. Прискорбная распутность юных эльфов грозила разрушить тщательно создаваемый им имидж. Два дня как заселившиеся в студенческое общежитие парни создали переполох в женском крыле, попытавшись пробраться в него ночью. Если бы не бдительность вахтерши и не визг не ожидавших подобного девушек – о чем они потом пожалели, когда разглядели, кто к ним собственно залез в комнату, но было уже поздно – кто знает, чем бы дело закончилось. А так обошлось извинениями хулиганов и заверениями в том, что они просто стороны перепутали.

Ну конечно, а окна с дверями перепутали. Придётся проводить воспитательную работу, как самому старшему и ответственному. По счастью, один из них принадлежал к тому же Царству, что и Дан, поэтому был обязан подчиняться в силу возраста. Оставалось надеяться, что он сможет повлиять на своих спутников.

Подумав, Данатриэль свернул в сторону корпуса магической теории. Все занятия, не требовавшие практической части, проводились в самой старой части Академии. Остальные помещения часто ремонтировались, а то и перестраивались заново – попадались среди студентов не контролирующие силу самородки, способные разнести не только камень, но и наложенную на него многослойную защиту.

Особенно часто обновлялась арена боевиков, но и алхимическому корпусу доставалось изрядно.

По архитектуре было сразу ясно, где заканчивается новодел и начинается старая часть. Тонкие, невесомые колонны, украшенные цветными вставками и глазурью, сменились унылыми каменными коридорами с толстыми стенами и окнами-бойницами, наследием бурных, полных войн Средних Веков.

Эльф неуютно чувствовал себя в толще камня, но виду не подавал, да и привык за годы, проведённые среди людей.

Подростков он, как и думал, нашёл в оранжерее. Его народ интуитивно тянуло к природе, а собрание экзотических растений в Академии впечатляло. Под оранжерею отвели дополнительное крыло, пристроенное к теоретическому снаружи. Так что стоило открыть тяжелые, рассохшиеся от времени и влажности парника двери, как в легкие ударял густой, напоённый ароматами цветов и прелой земли воздух.

Дан постоял мгновение, просто наслаждаясь забытыми ощущениями. Близость такого количества растений кружило голову не хуже доброго вина, молчаливо призывая расслабиться в тени ближайшего разлапистого куста и отключиться от бренности бытия.

Но у него была миссия, а дело прежде всего.

Поэтому он тряхнул головой, приводя мысли в порядок, и решительно двинулся по вымощенной шестигранными серыми плитками тропе туда, где чувствовал биение пяти родных аур.

Даже после стольких лет, люди все равно ощущались им как нечто чуждое. Только опыт и сила позволяли ему не загнуться без подпитки соотечественников. Свежие, яркие жизненные силы пятерых новичков манили и завлекали, но начинать знакомство с обмена энергией было бы верхом бескультурия.

На подходе к повороту Дан почувствовал незнакомую вязь охранного плетения. Прищурившись, изучил узор. Предупреждение, отвращающие чары, невидимость. Ничего смертельного.

Смело шагнул сквозь невесомо светящиеся завитки. С легким звоном заклятие осыпалось, предупредив владельца о том, что к нему навязчивый и целеустремленный гость.

Пятеро молодых эльфов подскочили с полянки, на которой устроились, принимая на ходу боевую стойку.

– Расслабьтесь, я ваш куратор. Данатриэль, из Царства Цветущей Весны. Добро пожаловать на человеческие земли.

Вежливость прежде всего. Пусть и хочется не разводить политес, а как следует оттаскать молодых остолопов за острые уши.

Студенты, собравшиеся под дверями аудитории бытовой магии, вяло переговаривались. Парни откровенно зевали, жалея, что встали в такую рань. Студенческий запал первокурсников еще не был заглушён умудренностью и опытностью, присущему второму курсу – те прекрасно знали, какие лекции можно проспать, а на какие лучше явиться.

Кроме того, по слухам, преподаватель бытовой магии Алиманта Лира недавно вышла в отставку, оставив вместо себя свою лучшую ученицу.

О Лире они были уже наслышаны, научены старшими товарищами и знали, как себя с ней вести – не пререкаться, посетить хоть пять занятий за семестр и купить у неё методичку.

Естественно, за наличные и потихоньку.

Все, зачёт в кармане.

Как вести себя с новым преподавателем, никто не знал.

Мало того, никто ее не видел.

И вялые утренние диалоги в основном сводились именно к спекуляциям на тему – будет ли преподавательница под стать Лире, то есть позволит прогулять скучные лекции без ущерба для зачетки, или же придётся досыпать под монотонный бубнеж.

Вердикт старших курсов был неумолим.

Бытовуха интересной не бывает.

Девушки внезапно оживились. Со стороны оранжереи к ним приближался экземпляр, на который все зрячие и вменяемые женщины королевства неосознанно делали охотничью стойку.

Данатриэль из Царства Цветущей Весны шествовал по коридору неторопливо, милостиво позволяя себя разглядывать и окидывая студенток леденящим взглядом, охлаждавшим особо пылкие головы. Весь его вид как будто говорил – я холодный и неприступный, попробуете подойти – заморожу.

Зато мысли были отсюда далеко.

Разговор прошёл совершенно не так, как было запланировано.

Молодняк совершенно его не боялся. Мало того, оказался вовсе не молодняком – старшего из них, боевика Рандивиэля, Дан помнил еще с собственных студенческих лет – парень поступил на первый курс, когда целитель готовил выпускной диплом. Что именно почти пятидесятилетний эльф с огромным боевым стажем забыл на человеческих территориях?

Да и само количество присланных студентов по обмену наводило на нехорошие мысли.

Боевая звезда эльфов испокон веков состояла из пятерых. Разве что состав говорил против этой теории – ну кто в звезду поставит двоих целителей сразу. Хотя, одна была целителем души, а другой – тела. Так что возможно, он не такой параноик, каким его считают.

Внезапный удар под дых вывел Дана из глубокой задумчивости. Он отступил на шаг и чуть не упал.

Зато врезавшаяся в него человечка неграциозно свалилась прямо на попу, разбросав с шелестом кучу макулатуры, которую несла кипой в руках.

Бестолковая и неорганизованная.

С этой мыслью Дан присел, чтобы помочь собрать бумаги. Заигрывать он не собирался, но и хамом прослыть не хотелось.

Девушка тоже собирала листы, избегая касаться его рук, будто он был болен чем-то очень заразным.

Данатриэль даже чуть обиделся. Остальные женщины непременно воспользовались бы подобной возможностью, хоть потрогать невзначай неуловимого представителя высшей расы. А эта шарахается, как от чумного.

Девушка была миниатюрной, даже по меркам его собственной расы. Он привык, что человечки широки в кости и ростом не уступают мужчинам, эта же едва достала ему до груди, когда наконец выпрямилась.

Косая челка из густых чёрных волос упорно падала вперед, закрывая один глаз. С другой стороны голова была практически выбрита налысо, создавая странно завлекающий контраст просвечивающей обнаженной кожи и шелка волос. Дан еще не видел подобной прически, тем более у женщины. Человечки, подражая эльфам, отращивали и наращивали волосы всеми доступными способами.

Тонкая рука звякнула браслетами-накопителями, поднялась и заправила наконец непослушную прядь за ухо.

Слабый маг, вон ей сколько накопителей нужно всего лишь на теоретическую лекцию, успел подумать Дан, до того как воздух вышибло из его легких напрочь.

У девушки были огромные светло-голубые, почти прозрачные, абсолютно нечеловеческие глаза.

Лекса

Настроение Лексы этим утром устойчиво колебалось между омерзительным и убийственным.

Тупой эльф с манией величия не добавил ей радостных эмоций.

Мало того, что идиот нёсся, размахивая своими ходулями и граблями, и не смотрел под ноги, так еще и помогал с таким видом, будто вселенское одолжение ей, убогой, делал.

Зато как он отшатнулся, встретив ее взгляд! Любо-дорого было посмотреть на его выражение лица.

Лекса привыкла, что необычный цвет радужки вызывает в собеседниках неадекватную реакцию. Кто-то морщился в отвращении, кто-то пугался, слабонервные призывали защитных духов ритуальными жестами.

Ушастый придурок не стал исключением.

Весь скривился, будто лимон зажевал. Подал ей копии тестов, которые помог собрать – аккуратно так, за краешек, чтоб не приведи боги не соприкоснуться. И поспешно ушёл, обдав на прощание удивительно вкусным парфюмом – что-то терпкое, смолистое, и в то же время свежее, как распустившиеся почки.

Это просто преступление, когда такой противный тип так хорошо пахнет.

Лекса открыла аудиторию, запустила студентов, пересчитывая по головам.

Маркос дал ей списки, наказав отслеживать успеваемость.

Смысла посещать ее скучные лекции она и сама не видела, но раз ректор сказал – надо, придётся запугивать подростков.

Предварительный пересчёт не утешал. В списке первой группы значилось сорок две головы, а Лекса насчитала только двадцать восемь.

Будем работать.

Дети рассаживались, галдя и ссорясь за лучшие места – подальше от преподавательской площадки, разумеется. Аудитория была просторной и светлой, окна во всю стену при необходимости можно было прикрыть тяжелыми чёрными занавесями – во время занятий иногда нужна была темнота, для создания проекций и лучшей видимости плетений. Деревянные скамьи, совмещенные со столами, расположились полукругом, спускаясь к центру амфитеатром. Всю стену около входа занимала широкая грифельная доска, перед ней сиротливым квадратом примостился подиум с небольшим преподавательским столом.

Близость кафедры к выходу навевала нехорошие мысли. Например, скольким бытовикам до неё приходилось спасаться бегством от буйствующих студиозусов, или вышедшего из-под контроля заклинания.

Успокаивало, что путь отхода был. И неподалёку.

Ловя на себе удивлённые взгляды, девушка прошествовала к кафедре на небольшом возвышении, и сгрузила на неё охапку бумаг. Часть разлетелась заново, но ползать на карачках и унижаться перед зеленой молодью – себя не уважать.

Лекса щелкнула пальцами, вливая силу в простенький узор.

С легким шелестом тесты и записи рассортировались и сложились в две аккуратные стопки.

Студенты затихли.

– Доброе утро. – хмурое выражение лица явно противоречило этому заявлению. Голова у Лексы гудела, лица студентов сливались в одно белесое пятно. Но ложиться спать прямо на кафедре было как-то не принято, поэтому она продолжила, так же мрачно. – Я Лекса, ваш новый преподаватель бытовой магии. Госпожа Лира вышла на заслуженную пенсию, я буду ее заменять. Надеюсь, вы не будете прогуливать, бытовые заклинания могут прилично облегчить вашу жизнь.

Студенты недовольно загудели.

Новый преподаватель, похоже, вознамерился проявить энтузиазм за их счёт, и повысить посещаемость ненавидимой всей Академией бытовухи.

В своё время Алиманта Лира в основном делала упор на ведение хозяйства. Как сварить борщ при помощи магии, уборка помещений без метлы и воды, и прочие полезные, но ненужные студенту-подростку вещи.

Это повзрослев, они понимали, что рубашки сами в шкаф не вешаются, постиравшись и погладившись, дома это делали мамы, а в Академии этим занимались как раз-таки бытовые чары.

Но прогулянные часы давали о себе знать, поэтому о магах, особенно странствующих, ходили соответствующие слухи – мол, не моются они, и одежду не меняют.

Лекса обвела аудиторию тяжелым взглядом, отмечая пустующие места, и начала с проверки посещаемости.

Обнаружив, что треть и правда отсутствует, сделала себе пометку в записной книжке. Судя по насупленным бровям, прогульщикам ничего хорошего не светило.

Да и присутствующим тоже.

Подумав, Лекса мысленно составила еще один узор, посложнее, влила в него энергию и наложила на себя. Светящиеся завитки быстро впитались, очистив разум и прояснив голову.

Просветления хватит до вечера. Потом будет откат, и скорее всего ночные кошмары. Но первый день определял отношение к ней студентов на весь учебный год, и если она не завоюет их внимание, разгребать придётся долго. Так сказал Маркос, а уж он-то, будучи уже лет пятьдесят местным ректором, в вопросе разбирался.

Лекса редко планировала что бы то ни было, предпочитая полагаться на случай. Но порученные ей дела выполняла четко, в срок и с требуемым результатом. Всегда. Репутация была ей дороже всего, и если ради неё придётся немного потерпеть и не спать, она справится. Не первый раз.

Прояснившимся взором она обвела аудиторию еще раз. Классический набор – подростки, у парней едва пробились усы и то, что через лет пять можно будет назвать бородой, у девушек прыщи впереди потихоньку становились грудью. Магический дар проявлялся в подростковом возрасте, так что принимать детей раньше шестнадцати смысла не было.

Держатся стайками, по уровню достатка родителей и их же знатности. Те, что побогаче, купцы-предприниматели – на последних рядах. Особенно заниматься и стараться не будут, дипломы им уже купили, зачем потеть. Проползут на тройках до конца обучения, получат заветные бумажки, пристроятся в бизнес к родителям, чтобы те гордо восклицали на приемах – у меня ребёнок-маг!

Те, кто были действительно знатны и приближены ко дворцу, наоборот, старались вовсю – им нужны были магические навыки, чтобы распознать яды, навести порчу на соперников и произвести впечатление на короля.

Остальные, что сидели поближе, были уже не столь безнадёжны. Дети торговцев, а то и простых крестьян, им нужен был дар, чтобы заработать на хлеб себе и семье.

Лексе было начхать на всех них, но последняя категория вызывала у неё некоторый положительный отклик. Они хоть не были такими обалдуями и сволочами, как две предыдущие.

– Начнём, пожалуй. – она убедилась, что завладела вниманием аудитории и ткнула наугад пальцем. – Ты, например, как выживала бы в лесу, вдалеке от человеческого жилья, зимой? Подробно, с примерами.

– Ну, надо искать еду, наверное. – Пышнотелая девушка с передней скамьи неуверенно поднялась, отвечая. По залу пролетели смешки.

– Ты бы точно без еды загнулась сразу! – звонко прилетело с последних рядов, и толстушка съежилась, как от удара. Явно заниженная самооценка и куча комплексов.

– У вас есть вариант получше? – Лекса обратила пристальное внимание наверх. Ну как знала.

Поднялась блондинка, с точеной фигуркой и выражением лица, будто она живьём червяка съела.

– Надо охотиться. Зимой прекрасно можно прокормиться, если есть ружьё, и умеешь стрелять.

– Если умеешь, это да. А если нет? – Лекса приподняла одну бровь. Блондинка дернула плечиком.

– Ну, наверное можно ямы копать, или из верёвок ловушки ставить…

– Ясно. Вы тоже все про еду. Вроде по вам и не скажешь… – не удержалась Лекса. Аудитория дружно фыркнула. Покрасневшая, подрастерявшая спесь блондинка села обратно.

Пышка на переднем ряду неуверенно улыбнулась.

Не обольщайся, дорогая.

Защищать Лекса никого не собиралась. Ей нужно было внушить уважение к предмету.

– Все, кто сейчас собрался жить в лесу – охотой, собирательством или запасшись бабушкиным вареньем… – она переждала смешки и веско закончила: – Мертвы.

Студенты затихли.

Обычный человек может и выжил бы. Одарённый – нет.

Дети пришли из мира, где охота и собирательство могли обеспечить хоть и впроголодь, но жизнь. Магам же для жизни нужна не еда. Как раз без неё можно прекрасно обойтись – есть несколько полезных заклятий, обманывающих организм и помещающих его в полустазис – без еды можно спокойно протянуть полгода. Без воды сложнее, и сил уйдёт много, но месяц даже слабый маг протянет.

Зато без ауры разумных существ им не протянуть и недели.

Посаженный в каменный мешок, маг медленно, но верно угасал.

Одно время была очень популярная казнь. Вроде и жестокости никакой, а эффект…

Лекса передернулась.

Люди в темноте своей считали, что маги тянут из них силы и энергию, вредят в общем. При желании, конечно, можно было и навредить. Как нож – им можно убить, а можно хлеб порезать. Все зависит от руки, его держащей.

От простого соседства и совместного проживания с магами людям вреда никакого, а магам жизненно необходимая подпитка.

В кругу себе подобных было еще проще – создавалась некая питательная аура, как например в той же Академии. Даже сознательно не нужно было ничего делать – организм сам впитывал необходимый ему заряд.

Одаренные со стихийной специализацией могут подпитываться от своей стихии, вместе с аурой. Но если питаться только стихией, сила затмит разум и маг потеряет контроль над собой.

Даже встреченный в коридоре эльф пошёл в ход – на что не пойдёшь, чтобы заинтересовать хоть женскую часть аудитории.

Бедняге не позавидуешь, на самом деле. Насколько Леска знала, он в Академии уже лет пять, и за это время ни разу не общался с соотечественниками. Подпитываться ему приходилось сознательно, все эти пять лет – аура людей не смешивается с эльфийской, ее приходится немного адаптировать.

Представьте, пять лет питаться соком через трубочку. И больше ничем.

Дети посочувствовали.

Лекса позлорадствовала. Скоро к надменному ушастику пожалуют жертвенные студентки, готовые делиться энергией и прочим.

Расходилась молодёжь, уже не так сильно настроенная против бытовой магии. Оказалось, от этой потенциальной нудятины может быть польза.

Когда за последним студентом закрылась дверь, Лекса уложила ноги на кафедру и удовлетворенно потянулась. Давно хотелось размяться и побалансировать на будто специально созданном для этого скрипучем стуле, но ректор при их первой беседе строго сказал, что подобное поведение при студентах непедагогично, а король велел его слушать, как себя.

А себя она слушала всегда.

Первый день прошёл не так плохо, как можно было ожидать. Студенты, конечно, туповаты и необразованы, но то не их вина, а системы, которая не готовит детей заранее. Даже книг по магии вне стен академий было не сыскать, а уж какие в народе ходили слухи о магах – удивительно, что абитуриенты не перевелись.

Говорят, в совсем глухих деревнях еще ведьм жгли. Вот уж чему Лекса не удивилась бы.

Люди всегда были темны и жестоки.

Поскрипев еще немного рассохшимся стулом, она позволила ему тяжело приземлиться обратно на все четыре ноги, и встала.

Завтра еще одна партия первокурсников, и до следующей недели она свободна. Девушка размяла затёкшие ноги, собрала записи со стола, и засобиралась домой. Ну как, домой – на ближайшие десять лет ее домом стал преподавательский жилой корпус Академии. Король приказал – ей остаётся выполнять.

Коридоры Академии были пусты. Студенты убежали обедать.

Еду подавали в строго определенные часы, а благодаря многоступенчатой защите на кухню было не пробраться. Так что либо успел пообедать, либо голодай и жди полдника.

Лекса поправила норовящую снова рассыпаться пачку бумаг и поморщилась, вспомнив придурка-эльфа.

Нет, за прошедшие годы их народ не только не поумнел, но кажется обзавёлся еще большим снобизмом и самомнением.

Первые опавшие листья тихо шуршали под ногами. Подступавшая осень позолотила и обагрила как академический сад, так и весь простиравшийся у подножия гор город. Деревья росли густо, но однообразно. Редко какие породы приживались на каменистых склонах Алмирского хребта. Низкорослые, в основном лиственные породы, кустарник, из вечнозеленого разве что вездесущий плющ на стенах домов.

Парадная аллея Академии сменилась едва расчищенной тропинкой. Маркос обещал, что в преподавательском крыле ее никто не побеспокоит. Небольшое, современное здание, похожее на хаотично, впопыхах поставленные друг на друга коробки с окнами во всю стену и тонкими перилами асимметричных угловых балконов, находилось чуть выше основного здания, на границе территории учебного заведения. Дальше него было несколько кустов и сплошная скала, упиравшаяся в облака. Лекса не завидовала тем, чьи окна выходили на ту сторону. Ее квартира радовала видом на море.

Город и Академию тоже было видно, но этому она как раз не особо радовалась. Кому приятно из окна видеть постоянное напоминание о не особо приятной работе.

Устроившись в гостиной на диване, она положила ноги на пуфик и отхлебнула ромашкового чаю. Заснуть раньше часу ночи для такой совы, как она, было сложной задачей и требовало дополнительных усилий. Успокаивающий чай, тихая, на грани слышимости, классическая музыка и обильное чтение – беспроигрышный рецепт. Сегодня он, правда, вряд ли сработает. Через пару часов наступит отдача от заклятия просветления, ясность ума сменится апатией и сонливостью, и вся подсознательная ерунда полезет наружу.

Пока разум трезв, можно попытаться подготовиться к завтрашним занятиям.

Лекса переворошила еще раз записи лекций, оставленные щедрой рукой ее предшественницы. Вчиталась в параграф о дезинфекции воды в канализации. Нудятина страшная, она бы на месте студентов заснула. Да и на месте преподавателя тоже. Как Лира справлялась, читать такое с серьезным лицом? Неудивительно, что бытовая магия лидирует по прогулам и самоотводам.

Основная масса заклятий была за прошлый век как минимум. Кто будет зачаровывать пятно, если к его услугам пятновыводители, на которые не надо тратить силы и энергию? Или наколдовывать метелку, когда пылесос, новейшая разработка магов-воздушников, собирает пыль по всему дому за считанные минуты? Но некоторые заклятия были довольно интересны, например разведение костра без подручных средств для разных направлений магических специализаций – даже для водников нашлась формула.

Надо будет прошерстить библиотеку, изучить свежие подборки заклинаний для домохозяек и туристов.

С этой мыслью Лекса задремала.

В западном крыле преподавательского жилого корпуса что-то взвыло, ухнуло, как будто магический взрыв волной прошёлся. И снова наступила тишина.

2

Веста

Веста, все-таки поступившая, и вследствие этого неимоверно гордая собой первокурсница, только начала осознавать объём предстоящей работы. Семестр едва начался, отучились первую неделю, а к следующему понедельнику уже надо нести три реферата, один собственноручно поставленный и описанный подробно опыт по зарядке артефакта, а еще необходимо определиться с факультативами.

Этим утром Веста сидела на занятии по материализации и разглядывала новеньких.

Эльфы опоздали почти на неделю. Их было пятеро, две девушки, трое парней. Их распределили между двумя группами первокурсников. В группу к Весте определили надменного блондина, компанейского шатена и черноволосую насупленную эльфийку. Поговаривали, что именно из-за неё задержался корабль – морскому принцу так понравилась девушка, что он мотал их в буре до тех пор, пока она не согласилась выйти за него замуж.

Похоже, теперь она передумала. Вон, какая недовольная.

Преподаватель по материализации, Андрэ Рафри, томный маг средних лет с зачёсанными назад редеющими волосами и манерами девицы на выданье, наконец обратил внимание на новеньких.

– У нас долгожданное пополнение. Впервые за тысячу лет в стенах Академии будут учиться эльфы! Да вообще в истории такого еще не было. Вам, ребята, крупно повезло. Будете вписаны в историю, как первые однокурсники высокорожденных! – подхалимство и елей из Андрэ хлестали неудержимым водопадом. Веста поморщилась. Хорошо, конечно, что теперь в группе есть на кого приятно посмотреть, но не стоит из-за этого такую кутерьму поднимать.

У них в группе уже был гном, и два вампира на задней парте закутались в плащи так, что и носа не видать. И ничего, из-за их появления никакой суеты не было. А говорят, вампиры ничуть не менее красивы, чем эльфы, просто на солнце им нельзя, острая аллергическая реакция. У них в родном краю и солнца-то почти не бывает, дожди все время, вот и отвыкли. Прячутся под плащами, чтобы не обгореть. А что там под капюшонами – кто знает.

Старший брат хвастался, что полгода с вампиркой встречался, так говорит красивая была неимоверно, только бледная очень.

– Представьтесь классу, будьте любезны! – растёкся окончательно Андрэ, обращаясь к темноволосой тонкокостной красавице.

– Анденелла из Царства Полыхающей Листвы, специализация – водник-воздушник. – Представилась эльфийка. Группа дружно выдохнула в восхищении. Двойной специализацией обладал далеко не каждый маг, тем более уникально было владение двумя стихиями одновременно. Целители-воздушники, например, были обычным делом, но сочетать воздух и воду – о такой редкости Веста не слышала.

– Ланивиэль из Царства Цветущей Весны. – высокомерно уронил блондин. – Я целитель.

– Рандиэль из Царства Мерцающего Леса. Боевой маг. – слегка склонил голову шатен. По классу опять пробежал шепоток. Боевые маги среди эльфов, по слухам, были редкостью. Целители, стихийники – в порядке вещей. А вот воевать эльфам приходилось ловкостью и меткостью, что против хорошего пульсара не всегда срабатывало. И то, что боевого мага, уникальную единицу, послали в человеческую Академию, могло означать только одно – кто-то из учеников очень высоко стоит в иерархии эльфов, и ему по рангу положен телохранитель.

Вообще новенькие вызывали у Весты тихие сомнения. Ее соседка по комнате, веснушчатая второкурсница Марго, мечтательно закатила глаза, когда узнала, кто будет учиться вместе с первым курсом.

– Они такие лапочки, эти эльфы. Говорят, они как приехали, сразу попытались влезть в окно к девчонкам, а те с перепугу визг до небес подняли, дурехи. Не оценили счастья. Уж я бы… – тут Марго облизывала губы, в красках представляя, что именно она бы.

Весту такие фантазии не прельщали.

Мало того, избалованные, высокомерные эльфы подозрительно напоминали ей деток богатых родителей, захаживавших в отцовскую булочную и постоянно требовавшие внимания, скидок и особого обращения. Сестру двое таких как-то зажали в соседней аллее, еле отбилась. Хорошо, брат вышел встречать.

В общем, восторга новенькие не вызывали. А вот кучу вопросов – это да. С какой стати именно сейчас? И аж впятером сразу?

Преподавателя-эльфа она уже видела, в коридоре перед занятиями по бытовухе. По слухам, Данатриэль в Академии уже пять лет вдалбливал в ученические головы азы целительства. Но один преподаватель, к тому же старый друг ректора – это одно, а сразу пять эльфов из разных направлений, да еще так редкостно талантливых – и в сердце человеческого королевства.

Подозрительно.

– Счастлив приветствовать вас всех в нашей скромной Академии! – провозгласил тем временем торжественно Андрэ. – Раз уж вы встали, покажите группе, пожалуйста, простенькую иллюзию. Можно не осязаемую, я не настаиваю.

– Ну почему же. Можно и осязаемую. – пропела Анденелла, делая небрежный пасс рукой. На столе Андрэ появился переливающийся гладкими боками прозрачный шар. Он подрагивал и пульсировал.

– Как интересно. Можно потрогать? – не дожидаясь разрешения, преподаватель ткнул в шар пальцем. Тот звонко лопнул, обдав мага разноцветными брызгами.

– Лучше не надо. – запоздало посоветовал Ланивиэль.

По аудитории пронеслись смешки. Рафри никто не любил. Он был пристрастен, выбирал на потоке любимчиков – чаще всего сыновей знатных и влиятельных домов – а остальных гонял в хвост и в гриву, не допуская до зачетов и придираясь к почерку.

А рефераты принимал только в рукописном виде.

Вроде оно больше соответствует его тонкому мироощущению.

Страниц так на двести.

– Шестая страница учебника, главы со второй по четвертую. Приду через пять минут, спрошу. – Андрэ гордо удалился переодеваться.

На эльфов поглядывали теперь со смешанными чувствами. Вроде и веселые, разыграли преподавателя, но при этом подставили всю группу. С них-то не спросят, а вот с остальных…

Рафри вернулся далеко не через пять минут. Эльфов отпустил сразу, дав всем понять, кто в этом году будет любимчиком, несмотря на проделанную мелкую пакость. Остальных опросил с редкой дотошностью, причём не только по двум упомянутым главам, а, похоже, по всему учебнику.

Некоторые, особо впечатлительные, выходили в слезах.

Весту спросили последней. Андрэ гонял ее нещадно по темам иллюзии и отведению глаз, она отвечала, неуверенно, но правильно. Рафри это явно злило.

А Веста просто имела привычку читать книги целиком. И когда им в первый день выдали учебники, чисто из любопытства пролистала все, от корки до корки. Ну, что-то в памяти и отложилось.

Она вообще любила читать. Брат даже поддразнивал ее, когда находил под прилавком с очередной исторической биографией или мистическим триллером в чёрной-пречерной обложке.

Сопливые с сахаром романы она не читала в принципе, в отличие от сестры и Марго. Те просто проглатывали розовые, в рюшечках и оборочках, сладкие однообразные истории о принцах и нищенках.

Веста была прагматична, и давно решила для себя, что встретить призрака у неё куда больше шансов, чем настоящего принца – которых в их королевстве, например, вообще в данный момент не было. Старый король передал престол сыну года три назад, а нынешний еще не женился и наследников не завёл, но кому нужен тридцатилетний старик.

Отпустил ее Рафри только через полчаса после звонка.

На обед пришлось бежать.

К счастью, повариха отложила ее любимую булочку. Набрав кроме неё хорошую порцию мяса с овощами и супа – заесть стресс – Веста задумалась, где бы сесть. Знакомых она еще не завела, соседку по комнате видно не было – наверное, поела раньше.

Студенческая столовая была огромным залом, на время праздников превращавшимся в банкетный. Высокие арочные окна, почти до потолка, выходили на полукруглую террасу, с которой открывался потрясающий вид на море. В хорошую погоду на ней тоже ставили легкие складные столики, но в данный момент на улице моросил противный осенний дождь, не добавляя хорошего настроения. Тюлевые занавески надувались парусами – Академию давненько не ремонтировали, рамы рассохлись, и из щелей ощутимо сквозило.

Взгляд Весты невольно зацепился за столик у окна, за которым устроились знакомые эльфы.

Ланивиэль сидел прямой как палка, глядя в тарелку, и сосредоточенно вылавливал вилкой съедобные, по его мнению, кусочки. Их было немного.

Анденелла тоже не отличалась хорошим аппетитом. Перед ней на подносе стоял листовой салат и компот. Вот и весь обед.

Никогда ей не быть стройной, как эльфийка, вздохнула Веста. Она как раз любила покушать, что ее поднос отражал во всей красе. Булочка с маком соседствовала с гуляшом из неизвестного науке мяса, щедрой порцией картошки с грибами, а глубокая плошка супа – с чашкой горячего шоколада. Вряд ли шоколад был как дома, из натуральных бобов и молока, но сладкого для поднятия настроения хотелось неимоверно.

Все места в столовой были прочно заняты. Несмотря на впечатляющие размеры, столиков почему-то было не очень много, учитывая количество учащихся. В разгар обеда найти свободное местно было нереально.

Веста переминалась с ноги на ногу рядом с раздачей, надеясь, что скоро кто-нибудь встанет, как вдруг поднос был выхвачен из ее рук и поставлен на стол к эльфам. Жизнерадостный Рандиэль помахал ей рукой, призывая садиться.

Веста поежилась, понимая, что сейчас весь зал, кто в открытую, кто втихаря, смотрит на неё.

Люди эльфов сторонились.

Кто боялся подойти, кто стеснялся, кому-то очень хотелось, но суровый вид Ланивиэля и высокомерие эльфийки душили порыв на корню.

Весте тоже не хотелось сидеть рядом с Анденеллой – на ее фоне она сама себе казалась еще толще и круглее. Но раз уж ее поднос тут, что поделаешь.

Голодной она оставаться не собиралась. Вот еще.

Она решительно опустилась на скамью, рядом радостно заерзал Рандиэль.

– Ну вот, абориген. А вы переживали. – Обратился он к друзьям. – Она нам тут все расскажет и покажет.

Друзья, похоже, были не в восторге от перспективы.

Весте тоже не очень понравилось, что ее поставили перед фактом, но желудок требовал своего громко и недвусмысленно. Чуть покраснев, она приступила к еде. И выгнутая в недоумении бровь Анденеллы ей не помешала. Ничего, быстро поем и сбегу, решила девушка.

– А что у нас за столом делает человек? – раздался удивленный женский голос над головой Весты. Она подавилась маком из булочки, закашлялась. Сидевший рядом Рандиэль заботливо постучал ее по спине.

– Ест она, не видишь. – В его голосе было столько восторга, как будто Веста была экзотическим животным, исполняющим трюк, которому он ее лично обучил. Ее щеки горели, она хотела в этот момент либо провалиться сквозь землю, либо исчезнуть.

– Полог невидимости будем проходить только на втором курсе. – ласково пропела блондинка, присаживаясь рядом с Ланивиэлем. Темные, тонкие брови вразлет и схожие черты лица выдавали в них родственников. – И то, если в защитники пойдёшь. Что вряд ли.

Если бы Веста жевала а этот момент, она опять бы позорно подавилась. И не понять, гадость сказали или помочь хотели? Все у этих эльфов не как у людей.

– Иннэлла, сестра этого зазнайки. Я телепат. – представилась, наконец, как положено эльфийка. – не переживай, я почти все время закрываюсь. Просто стало интересно, что ты о нас думаешь. А она ничего, не злобная. – непосредственно порадовала она друзей.

– Спасибо? – неуверенно поблагодарила Веста за комплимент.

– Не тушуйся, Инн всех подряд не читает. Брезгует. Можешь считать, тебе повезло. – похлопал ее по плечу рыжий эльф в конопушках – и такие, оказывается бывают, – садясь рядом. – Я Фаринель, огневик.

Зажатая между двумя высокими красавцами, Веста окончательно потеряла аппетит. То ее хлопают, как породистую скотину, то в личное пространство вторгаются. Она терпеть не могла бесцеремонность и распускание рук, а тут, похоже, процветало и то и другое. Нет, от этих ушастых нужно держаться подальше.

При личном контакте они не понравились ей еще больше.

Рандиэль был слишком наигран. Будто ему сказали – изобрази рубаху-парня, он и старается. Но то, какие пронизывающие взгляды он бросал на неё и прочих посетителей столовой, говорили о том, что он скорее оценивает их как угрозу, чем как друзей и потенциальных собутыльников.

Анденелле вообще явно хотелось оказаться отсюда подальше. То, как она изучала листики салата со всех сторон, прежде чем отправить в рот, как брезгливо вытерла вилку о собственный батистовый платочек перед употреблением, и как проверяла на свет бокал, явно дало понять, что людской чистоплотности она не доверяет. И не похожа она на добровольца-студента. На аристократку, силой затащенную в кабак, это да.

Ланивиэль был загадочно молчалив, его характер и мотивы были пока что неясны. Но то, что она увидела в его друзьях, достаточно характеризовало и его самого.

Веста отодвинула поднос.

Все равно почти все уже доела.

– Ты картошку еще будешь? Нет? Ну я помогу. – Фаринель бесцеремонно сгрёб с ее подноса тарелку. В отличие от собратьев, проблем с аппетитом у него не было.

– Только что с тренировки. Пришлось отбиваться от мавок фаерболами. Энергии потратил уйму. – прочавкал рыжий эльф. У Весты засосало под ложечкой. Это что еще за тренировки, на которых надо отбиваться от кого-то?

– Фар ходит на факультатив, расы разумные и полуразумные. С мавками общий язык найти тяжело, особенно если у тебя с собой зеркала нету. Они норовят тогда глаза тебе выцарапать… – Вздохнул Рандиэль, задумчиво почесывая щеку. Наверное, исходит из личного опыта.

– Ребят, приятно было познакомиться, я пойду. – Веста решительно приподнялась. Ее вроде бы дружески, но настойчиво взяли за плечо и усадили обратно.

– Во-первых, мы еще не узнали как зовут нашего гида. – наставительно произнёс Рандиэль. Похоже, он взял на себя функцию переводчика с эльфийских переглядываний на человеческий язык. – А во-вторых, нам нужна экскурсия. Где тут гуляют после учебы, куда пойти выпить, с кем дружить, с кем не надо, и все такое. Студенческая жизнь, понимаешь?

– Понимаю. Я Веста. – буркнула девушка. – А где погулять и с кем, сама еще не знаю. Я с первого курса, если вы не заметили.

Глаза Инн, сидевшей напротив, зажглись неподдельным интересом.

– Ты что, с того самого континента? – изумилась она, хватая Весту за руку. Та опешила от такой бурной реакции. Эльфы казались ей все более странными созданиями. Лучше бы они были просто золотой молодежью. С теми хотя бы знаешь, как себя вести. А этим и в морду в воспитательных целях не дать – межрасовый скандал выйдет. Какое им дело до ее имени?

В момент ее рождения имя было действительно необычайно популярно, в основном из-за активизации переселения на новый материк, Вестанию. Его открыли недавно, лет за пять до ее рождения, и даже изучить толком не успели. На карты были нанесены в основном прибрежные территории. Дальше начинались густые, малопроходимые джунгли с недружелюбно настроенными неизвестными науке животными. Условия там были тяжелые, но заработать можно было переселенцам хорошо, король выделял немалые участки земли за бесценок. Культуры всходили на густой, плодородной почве моментально, внутри нашли множество полезных ископаемых, начиная с золота и алмазов. Народ повалил осваивать новые территории.

До Вестании приходилось плыть почти месяц на корабле. Именно это остановило ее родителей, которые тоже едва не переселились. Ее маму и старшую сестру страшно укачивало на всем водном транспорте. Они побоялись просто не доплыть.

Но и хорошо, что они ограничились именем для дочери.

Через двадцать лет выяснилось, что внешне плодородная земля скрывает в себе какой-то ядовитый элемент. Переселенцы начали умирать один за другим, как мухи. Быстро и неотвратимо. Лекарства так и не нашли.

Король приказал организовать срочную эвакуацию и карантин.

В привычном климате те немногочисленные переселенцы, что дотянули до родных берегов, быстро пришли в себя. На всякий случай их еще пару лет продержали в специальных карантинных посёлках – про болезнь известно было мало, кроме ее смертоносности, и устраивать эпидемию король не собирался. Но новых вспышек заболевания не было, и эвакуированные вернулись к нормальной жизни.

Из двухсот тысяч переселенцев спаслось не больше пяти тысяч. Большинство умерло еще на Вестании.

Материк был закрыт для заселения на неограниченный срок. Туда изредка отправляли исследовательские экспедиции, на месяц-другой. Пока обходилось без летальных исходов. Но источник отравления так пока что и не нашли.

Вестаниде не нравилось собственное имя. Оно вызывало у людей неприятные ассоциации, и любопытство эльфов было еще самой безобидной из реакций. Она сократилась до Весты, что мало помогло, но звучало как-то нейтральнее. Сменить имя полностью она не могла – это было возможно только по истечении пяти лет после совершеннолетия, а ей еще и восемнадцати не исполнилось.

– Нет, я не из беженцев, если тебя именно это интересует. – отрезала она, глядя в глаза эльфийке. Переходя на ты, она нарушала все протоколы и этикеты, но они первые начали – полезли в ее голову и личную жизнь. Она не питала иллюзий – тактильный контакт был нужен телепатам для усиления восприятия. Ее проверяли на ложь.

И ей это категорически не нравилось.

Веста вырвала руку, попыталась встать, но внезапно потяжелевшая ладонь Рандиэля удержала ее на месте.

– Отпусти ее, Ран. – неожиданно вмешался Ланивиэль. И снова замолк, уткнувшись обратно в тарелку.

Рандиэль смерил оценивающим взглядом его, потом откровенно злящуюся Весту.

– Беги, девочка. Еще поговорим.

На негнущихся ногах Веста отнесла поднос к стойке с грязной посудой, вышла из столовой и побрела по академическому саду в сторону общежития. Прохладный осенний воздух обвевал рдеющие щеки, позволяя хоть немного прийти в себя.

Что это вообще было?

Зачем пятерым эльфам беженцы с Вестании?

Тем более, какой смысл искать их в Академии? Одни вопросы.

Веста помотала головой.

Пожалуй, придётся установить в комнате мини-холодильник и перестать обедать в столовой. Отцовская булочная рядом, в городе, она вполне может позволить себе питаться в комнате. Жаль, без горячего придётся обойтись. Надо будет спросить пару разогревающих заклинаний у Лексы. Должна же быть польза от бытовой магии.

Столько внимания она не выдержит.

А учитывая, какими взглядами ее одаривала Аринна и ее приспешницы, лучше вообще забаррикадироваться в общежитии и носа не высовывать, чтобы не нарваться на какое проклятие ненароком. Признанная красавица Академии, первокурсница явно положила глаз на блондина, но тот был непокобелим.

Очередной вопрос. Если эльфам так хотелось внимания женщин – зачем отшивать таких, как Аринна? А потом лезть в окно женского общежития.

Что-то здесь не срасталось, но вникать у Весты не было никакого желания. Меньше знаешь-крепче спишь, тем более это касалось политики и дипломатии.

3

Лекса

Аудиенция у его Величества проходила как всегда.

Лекса сидела, развалившись, и закинув ноги на ручку кресла, болтала одной ступней в воздухе. Руку приятно холодил стакан со льдом и отличным марочным бурбоном.

Король Джеральд Третий ничего не имел против выпивки на работе, да и сам периодически прикладывался, особенно перед скучными заседаниями парламента.

Сказывалось ее тлетворное влияние.

Сам тридцатилетний монарх расположился напротив, за старинным, темного дуба письменным столом, который Лекса помнила еще со времён его деда. Дорожные сапоги валялись под креслом, закинутые на стол ноги радовали глаз веселыми носками в красно-голубую полосочку. Джеральд только что вернулся с объезда пристоличных территорий, и был не в духе.

– Ты мне можешь обьяснить, что у нас вообще в лесах происходит? Нави, умертвия, мелкая нежить просто толпами шастает. Не припомню, когда у нас случался такой разгул нечисти. Магический фон вроде в норме, можешь сказать, как специалист, в чем дело?

– Не могу. – честно ответила Лекса.

Монарх нахмурился еще больше.

– Это не я, если тебя волнует именно это. Но не могу понять, кто. Вряд ли кто-то один. Магический фон, как ты правильно заметил, в норме, значит оно не само повылазило. Люди уже начали вспоминать бабкины сказки. О некромантах, например. – Лекса многозначительно сделала паузу. Джеральд поперхнулся бурбоном.

– Типун тебе, этого еще не хватало. – по-просторечному отмахнулся оберегающим жестом король.

– Джерри, я говорила это всем твоим предкам, повторю и тебе. От того, что вы официально запретили некромантию как науку и стёрли все упоминания о ней в истории, мои коллеги рождаться не перестали. Только теперь они не получают соответствующего образования, выплески могут случаться стихийно и неконтролируемо. Они могут сами не понимать, что творят. – Лекса тяжело вздохнула. – Тем более, вся нечисть крутится вокруг столицы.

– Академия. – понимающе кивнул король. – Видишь, как тебе повезло. Вовремя я тебя послал присматривать за эльфами. Глядишь, и некроманта вычислишь. Кстати, как там наши ушастые друзья?

– Пока тихо. Кроме той вылазки в женское общежитие, скорее всего для отвода глаз – вон мы какие компанейские, вроде – больше не высовывались. Двое вызывают у меня большие сомнения. Огневик и боевик. Очень уж опытные. Видела я их на полигоне, десяток мавок разогнали и не поморщились. Но предьявить им пока что нечего. Поди разберись, шестнадцать им или шестьдесят. Они же, гады, консервируются.

– Поосторожнее в выражениях, миледи. – король отсалютовал ей тяжелым резным стаканом. – Вы изволите обсуждать представителей союзных государств.

Оба тяжело вздохнули, вспомнив связанные с эльфами истории, и дружно выпили.

– Значит, полагаешь, среди них засланцы? – задумчиво переспросил Джеральд.

– Уверена. Скорее всего, все они засланцы. – Лекса покивала, несколько раз для пущей убедительности. – Помнишь, несколько лет назад их послы настойчиво пытались выжать из нас информацию о Вестании? Даже в постель тебе подкладывали эту… как ее…

Монарх покраснел.

– Ты мне теперь до смерти припоминать будешь? И потом, я ее выгнал.

– Именно это и подозрительно! – многозначительно махнула бокалом Лекса, чуть не расплескав содержимое. – Не дуйся, шучу. Но сам факт, что их интересует заражённый континент, вызывает сильнейший интерес у меня.

Джеральд подумал.

– Зачем им тогда Академия? Что-то не вяжется.

– Не знаю. – задумчиво покачала ногой Лекса. – Надо было меня студенткой засылать, пользы бы больше было. Ближе к ним, и все такое.

Джеральд чуть не поперхнулся.

– Лекса, дорогая, ты себя видела? Какая из тебя студентка?

– Ну спасибо. – она капризно оттопырила губу, изображая вселенскую обиду. – Я, между прочим, неплохо сохранилась. И ещё ого-го!

Они переглянулись и дружно захихикали, как подростки, услышавшие непристойность. Лекса, знававшая его прадеда в пеленках – дальше король старался не задумываться, берег психику – и правда была внешне похожа на шестнадцатилетнюю абитуриентку. Если бы не слишком опытный взгляд и не собственный, уникальный стиль, слишком непохожий на современную молодежную моду. За преподавательницу-то ее с грехом пополам выдали, но вариант со студенткой провалился бы еще на подходе.

Бокал дрогнул в ее руке. Сработал маячок, поставленный в одном из поселений в пригороде.

Каждое новолуние там пропадали люди, королю исправно поступали жалобы на болотного монстра, утаскивавшего взрослых мужиков, так что их потом находили по кускам по всему лесу.

Таких неблагополучных районов было несколько. Патрулировать еженощно все она не смогла бы физически, но вот навесить оповещающие нити – вполне. Едва магический фон превышал норму – в районе солнечного сплетения она ощущала легкую вибрацию.

– Пора мне на работу. Не скучай. – она плавным, слитным движением поднялась, поставив опустевший стакан на стол. Джеральд смерил взглядом его, потом более чем ополовиненную бутылку. Он в уничтожении бурбона участвовал только символически. Его собственный стакан был все еще практически нетронут.

– Может, помочь? – он хрустнул пальцами, подготавливая отрезвляющее плетение.

– Не надо, у меня после твоих отрезвителей всегда голова болит еще сильнее, чем просто с похмелья. И потом, что мне твой бурбон. Вот у северян самогонка на оленьих рогах, это да. Забористая. – Лекса сладострастно содрогнулась от воспоминания.

Джеральд только пожал плечами, мол, как знаешь. Бессмертная выходила и не из таких переделок, будучи более чем нетрезвой. Что ей какая-то мелкая нечисть. Читать лекции по здоровому образу жизни он ей не собирался. Как она сама однажды выразилась – сначала доживи до моих лет, потом учи меня жить.

Телепорт вынес Лексу на границе леса и сельского кладбища.

Ночь наступила уже давно, тонкий серп убывающей луны из последних сил подсвечивал безрадостный пейзаж. В лесу было тихо, на кладбище тем более. Видневшееся за покосившейся оградой село спало в блаженном неведении.

Живых поблизости не ощущалось. Те, что спали за забором не в счёт. Лексу интересовал маг, поднимавший регулярно нежить.

И она его нашла.

Тому, кто вызвал навь, похоже не понравился ее расслабленный режим, и он решил нечисть подбодрить. Вызвал ее из могилы на три дня раньше срока.

Не учёл, правда, уровень голода.

За что и поплатился.

Теперь рядом с кровавыми куриными ошмётками красовался сам незадачливый некромант, со вспоротой грудиной и торчащими обломками рёбер.

Зачем идиоту понадобилось призывать умертвие и подвергать такой опасности односельчан, Лекса понятия не имела. Спросить, что ли, попозже? Любопытно же.

Зато скребущие по могильному камню когти ясно давали понять – кто-то здесь точно есть. И он очень голоден.

Навь была крупной. Алые глаза светились из-под нависших мешками век, когтистые лапы скребли уже без того взрытую землю. Три развороченные могилы на окраине кладбища помогли понять, откуда такой крупный экземпляр. Тех самых мужиков, утащенных в лес и расчленённых, теперь использовали для создания увеличенной, улучшенной версии твари.

Призывающий идиот не поленился притащить на место поднятия нечисти нескольких куриц, и перья теперь летали зимней вьюгой, портя видимость и забиваясь в нос.

Лекса отчаянно чихнула, потом еще раз. Навь моргнула, будто собираясь сказать «Будь здорова», потом передумала.

Взревела ультразвуком, поднимая дыбом волоски на теле.

И бросилась на магичку.

Девушка увернулась, выхватывая на ходу короткий, волнообразно изогнутый меч. Рубанула коротко, зло, без замаха и почти не удивилась, когда лезвие соскользнуло, не причинив ни малейшего вреда.

Тварь была под серьезной магической защитой.

Бросив мимолетный уважительный взгляд на останки призывателя, Лекса снова увернулась. Навь была сыта, атаковала довольно лениво, скорее раздраженная, что ей помешали закончить трапезу.

Девушка просканировала защиту. От оружия и человека. Хорошо постарался, шельмец. Эльфа или гнома в подстоличных лесах тварь вряд ли встретит, а чем от неё еще отбиться, кроме оружия?

Пара кружила в странном танце между надгробиями, взрывая могильные холмики. Несколько камней с выгравированными ритуальными кругами уже были выворочены нечистью.

С каждым выходом и новым трупом навь становилась все сильнее, набирая массу и энергию. Сейчас она ростом вымахала уже с хорошего медведя. Минимум четверо убитых, прикинула Лекса. Если сейчас ее не упокоить, и она заляжет на месяц и переварит незадачливого некроманта, в следующее новолуние селян будет ждать немаленький сюрприз.

Впрочем, Лекса работала без «если».

Девушка кружила, подводя нечисть все ближе к ограде из покосившихся кольев. Верх палок был достаточно острым, чтобы послужить импровизированными копьями.

Магичке осталось только перемахнуть ограду, увлекая навь за собой, и пинком ноги придать забору нужный угол.

Тварь нанизалась сама, завыла, скребя задними лапами и вслепую размахивая передними, надеясь все же задеть врага. Выломала-таки орясины, покаталась между надгробиями, измазываясь в темной земле, и наконец затихла, убитая не оружием и не человеком.

Лекса отряхнулась. Одежду, порванную в нескольких местах и пропитанную гнилым духом нави, лучше уничтожить. Подобное притягивает подобное. Не хватало еще нечисть на территории Академии развести.

Подумав, стянула остатки рубашки, протерла ими меч, прежде чем убрать в заплечные ножны. Никто ее ночью не увидит, а оружие должно содержаться в чистоте.

Дома еще отполирует.

Незамысловатый узор, на мгновение вспыхнувший алой точкой в ночи. От рубашки остался только пепел.

Никогда не оставлять следов – правило въелось в Лексу на подкорке. Ничего, что уже пятьсот лет она не в бегах, а вовсе легальная и почетная охотница Короны. Старые привычки так просто не отмирают.

Она еще раз внимательно осмотрела развороченные могилы. Нашла самую старую, в которой навь зародилась первый раз.

Смахнула грязь, в неверном свете луны с трудом прочла имя покойного. На всякий случай запомнила. Потом уточнит у королевских архивариусов, скорее всего окажется родственником вызвавшему навь.

Нечисть просто так не приходила. Ее влекли сильные чувства, эмоции. Ненависть, зависть, любовь.

Часто приходивший на могилу к любимой девушке рисковал вызвать себе под окна ее умертвие с тем же успехом, что и единожды пришедший плюнуть на труп врага.

Надо недоумка хоть похоронить по-человечески.

Она повернулась к свежему трупу, так и лежавшему между ощипанными куриными тушками.

Самое время спросить, зачем идиоту понадобились такие проблемы в собственном селе. Несколько пассов, подкреплённых энергией. Сеть подчинения соткала в воздухе, невидимая простому глазу. Окровавленные ошмётки груди зашевелились, неприятно хрустя обломками рёбер. Бывший селянин неуверенно сел. Зашатался, но устоял.

Поднятый труп глянул на магичку мраморными помутневшими зрачками. Пустил сукровицу уголком рта.

– Зачем разбудил навь? – Строго спросила Лекса.

– Хыыы. – ответил виновник. Девушка нахмурилась, вгляделась в переплетающие мертвеца энергетические нити. Белые – ее собственные, тускнеющие на глазах зеленоватые – трупа. Селянин был слабеньким магом-флористом, даже неинициированным. Соседи наверняка завидовали его богатым урожаям и удачным походам в лес за ягодами.

Но поднять умертвие флорист никак не мог. Не та энергетика. Кто-то ему должен был помочь. Воспользоваться эмоциями, подтолкнуть, сформировать заклятие в конце концов.

Одно дело – притянуть на себя из потустороннего мира умертвие – с этим практически любой справится. Но полноценный подъем сильной нави, с перекачиванием жертвенной энергии (три курицы!) и сложным плетением вызова?

А вот и они. Посторонние, темно-синие, почти неразличимые в беспроглядной мгле погоста, нити контроля. Лекса протянула руку и поманила одну из них. Та послушно развернулась… и истаяла в воздухе.

Девушка рванулась вперёд, пытаясь отловить ускользающий след. Не успела. Нити испарялись одна за другой, унося с собой память и личность несчастного парня. Обездушенный окончательно, труп рухнул колодой в мягкую, распаханную борьбой землю.

Селянина кто-то контролировал. Кто-то очень сильный, достаточно умный, чтобы не оставить следов, а самое главное – некромант.

Лекса нахмурилась. Подтверждались их худшие догадки. Наплыв нечисти был действом организованным, скорее всего отвлекавшим их внимание от чего-то важного.

И каким боком к этому относились эльфы? Им некромантия была недоступна в принципе, так что из явных виновников они вычёркивались. Но менее подозрительным их слишком своевременное появление на территории Академии не становилось.

Она телепортировалась во временное жилище. Вообще-то, теоретически, телепортироваться на территории Академии было невозможно, но она давно уже перешла эту хрупкую грань между возможным и нереальным.

Не сходя с места, разделась, чтобы не загадить все помещение поганой кровищей и прочими жидкостями. Собрала вещи кучкой и сожгла прямо в воздухе. Очищающим плетением прошлась по полу под ногами.

В носу все равно стояла вонь разлагающейся плоти и свежей смерти.

Слишком острое напоминание.

Как была, обнаженная – а кого стесняться в пустом доме – Лекса добралась до ванной.

Открутила краны, особенно с горячей водой, до упора.

Все-таки цивилизация – благо. Раньше приходилось обходиться банями и саунами. Залезешь на верхнюю полку, и отмокаешь в собственном поту, пока не закружится голова и не станет дурно от жары.

С изобретением водопровода все стало гораздо проще и приятнее.

Бурлящий поток смывал воображаемые пятна и запахи. Она с ожесточением терлась мочалкой, пока та не повисла жалкими лохмотьями, не выдержав подобного обращения.

У Лексы редко какая мочалка долго жила.

Вылезла, вытерла покрасневшую кожу жестким махровым полотенцем, протерла короткий ёжик волос. Провела пальцем по испещрённому цветочными узорами плечу. Добавить или не стоит? Нет, сегодняшняя смерть не на ней.

Решительно тряхнув головой, накинула тонкий кружевной пеньюар.

За годы, проведённые в мужской одежде, Лекса истосковалась по нежности и воздушности. Поэтому сейчас, когда дамы наконец получили хоть немного прав и возможностей, с радостью окунулась в толком неисследованный мир белья и косметики.

Не все, конечно, ей подходило, учитывая ее своеобразный стиль, как это ласково называл Джерри, но дома она отрывалась как могла.

Шелк, кружево и шифон составляли основу ее нижнего гардероба. Даже сегодня, в той зловонной куче, погиб очень неплохой, черно-бирюзовый комплект.

Надо не забыть заглянуть к мадам Торрин, заказать пару новых. Что-то она поизносилась, беготня за умертвиями по кладбищам порядком потрепала ее запасы.

Лекса прилегла на диван, попыталась задремать. Перед глазами встала развороченная грудная клетка мальчика-флориста и полуоткрытые куриные клювики. Она снова села, потёрла глаза.

Чаю, что ли заварить. С ромашкой. Говорят, успокаивает.

Магичка прошлепала босыми ногами на кухню. Плитка с бело-синими узорами приятно холодила ноги. Лекса поставила чайник, присела на подоконник, уперлась лбом в стекло, глядя, как перемигиваются огоньки на берегу моря. Волны накатывали с неслышным на таком расстоянии шуршанием, ударяясь о берег в извечном ритме. Убаюканная тишиной и благоденствием, она чуть не задремала.

Свисток чайника показался отключающемуся мозгу боевым возгласом болотной мавки. Кинжал был материализован в руке Лексы быстрее, чем она осознала, где находится.

Пожалуй, ромашковый чай сегодня не поможет.

Выключив чайник – еще не хватало пожар устроить – она вернулась в гостиную.

Лекса решительно подошла к застекленному бару из темного полированного дерева и приоткрыла с негромким скрипом дверцу. Извлекла призывно булькнувшую бутыль с адским пойлом семидесятилетней выдержки, пузатый бокал. Подумала и добавила из холодильной камеры лимон.

Ночь обещала быть долгой.

4

Дан

Данатриэль лежал в постели уже час, но сон упорно не шёл. На лбу тихо плавился шелковый мешочек со льдом. Головная боль не сдавалась.

Соседка сверху третью ночь подряд занималась неизвестно чем.

Эльф даже примерно не мог себе представить, что может так громыхать в два часа ночи. Двигать мебель и делать капитальный ремонт одновременно – и то производило бы меньше шума. Дан решил списывать звуки на какие-то человеческие ритуалы, хотя похоже было скорее, что кого-то мучительно убивают, причём долго и со вкусом.

Однако, сегодня ее слышно не было.

Впрочем, эльфу хватало с лихвой собственных проблем.

Диалога с директором Академии не получилось.

Властелин и Повелитель СГАМа на протяжении более двадцати лет, Руперт Маркос был закалён в битвах со студентами и королевским двором, и сдавать позиции не собирался. Даже старому другу.

– Неужели ты не понимаешь, они же явно шпионить приехали. – пытался втолковать другу Дан очевидную истину.

– Думаешь, я идиот? – Руперт снял очки и потер ноющие виски. Пятьдесят лет для человека немало, даже если он сильный маг. Молодость продлится для Маркоса еще лет пятнадцать-двадцать, а потом – постепенное неминуемое увядание. Медицина развивалась, и если в прошлом веке редкие рекордсмены из простых людей доживали до сорока, сейчас даже обычные горожане спокойно переваливали за восьмидесятилетний рубеж. Продолжительность жизни хорошего мага растягивалась до ста двадцати – ста пятидесяти.

Все равно капля в море по сравнению с эльфами.

В частности, поэтому Дан старался с людьми не сближаться. А смысл? Они состарятся и умрут, когда он будет полон сил и энергии еще лет двести.

С Рупертом судьба столкнула его против воли, заставив уважать, а потом практически принять в побратимы этого строгого, но разумного человека. На тот момент Маркос был старше, опытнее, и успел дважды спасти юному эльфенку жизнь.

Война еще не так перемешивает судьбы.

И теперь Дана особенно раздражало, что разумный, в общем-то, человек не желал прислушаться к доводам рассудка в его лице и продолжал упорствовать.

– Я знаю, что они шпионы. Думаешь, мы их просто так пустили именно в эту Академию? Пусть изучают, секретных методик здесь не преподают, дети в их группе молодняк сплошной, несмышленый, а те что постарше – все равно никаких секретов не выдадут. Не знают потому что. Их же не на спецкурс взяли и не в секретную службу. Пусть убедятся, что с людьми можно иметь дело. Не такие уж мы и страшные.

Дан вздохнул. В сказанном была своя логика, но цинизм ситуации угнетал его чувствительную целительскую нервную систему. Его сородичи будут вытягивать информацию из подопечных его названного брата – от подобного положения веяло маразмом и дурной комедией.

– И потом, это был приказ короля. А с приказами не спорят, забыл? – забил последний гвоздь в крышку гроба дискуссии Маркос.

Королю виднее, молча согласился Дан.

– Ну хоть поселил бы их отдельно. – буркнул он, уже не особо надеясь на понимание.

– Куда? В город, чтобы они там таки что-нибудь выведали? – хмыкнул Руперт. – Лучше пусть сидят у нас тут, под присмотром.

Маркос упёрся напрочь. Если поместить молодняк отдельно, они обрастут слухами и легендами, и факультеты посходят с ума. А вот если их поселить вразнобой, станет очевидно, что эльфиечки какают отнюдь не розами, остроухие парни ничуть не красивее местных, только уши больше, и не факт, что все остальное соответствует. Обыденность не вызывает нездорового интереса. Посудачат месяц и перестанут замечать.

Вон сколько сплетен было вокруг первого вампира в Академии. Сам Маркос тогда студентом был. И с чесноком на занятия ходили, и крестами обвешались. Пока однажды мудрый директор не предложил померяться силой с красноглазым в честном бою.

Не самый сильный боевой маг уделал кровопийцу под орех. Хорошо, контур поединочного поля удержал бойцов от плачевного исхода. Вампир оказался алхимиком, задохликом и лабораторной крысой.

С тех пор суеверий в стенах Академии поубавилось.

Хотя простой люд по-прежнему настороженно относился к красноглазым и при их появлении бросался чесноком, несмотря на то, что оборонного свойства последний не имел вовсе. Если только брошенный меткой рукой в глаз.

Вампиры обитали во влажной долине, где постоянно шли дожди, либо висели туманы. Солнца они практически не видели, отсюда отсутствие пигментации. Альбиносы появлялись и среди людей, обычная генетическая мутация, в вампирских семьях ставшая нормой. Естественно, как только они попадали в обычную, хоть немного солнечную погоду человеческих территорий, у несчастных начинались приступы – глаза не выдерживали яркости, кожа обгорала моментально. Приходилось заворачиваться в плащи с капюшонами, и стараться не выходить на улицу.

Причем прятались не столько от солнца, сколько от суеверных, темных горожан.

Данатриэль снова поморщился от воспоминания, пристраивая голову на подушке поудобнее. Он и сам таким образом уже пять лет сидел под присмотром – и вовсе не питал по этому поводу иллюзий. Нет, в город его выпускали, он же не пленник. Погулять по набережной, пообедать в таверне и словить на себе сотню-другую любопытных, враждебных или вожделеющих взглядов он имел полное право. Как и на практически незаметное, бесшумное, растворившееся в тени подворотен сопровождение, отслеживавшем каждый его шаг и вздох.

После пары попыток в город он ходить перестал. Все интересующие его товары доставляли к воротам Академии, согласно списку. Закупался кто-нибудь из секретарского состава. Не все же им бумажки перекладывать.

А от недостатка общения эльф не страдал. От соотечественников в такой дали от дома одни проблемы – вон, молодняк тому примером – а с людьми, за крайне редким исключением, общаться было просто противно. Не дотянули они в развитии до его уровня, так зачем унижаться.

Библиотека в Академии была вполне достойная, а читальный зал в оранжерее он сделал себе сам. Заплетенная лианами беседка в самом дальнем углу душного влажного зала создавала ему иллюзию, максимально похожую на родные земли.

Но и там ему теперь не было покоя.

Сначала новоприбывший эльфийский молодняк облюбовал полянку по дороге в его беседку для встреч и обсуждений каких-то своих, молодняковых дел. Так что теперь он периодически чуть не спотыкался об них, идя читать очередную книгу. Те замолкали, будто он к ним в комнату вломился и в белье копается, а ему, как тонкой души целителю, и вправду становилось неловко, и он поспешно проходил мимо. Даже не пытался подслушать, хотя мысли подобные возникали. И именно от того, что возникали, становилось противно – будто в грязи извалялся.

Дан никогда не лез ни в политику, ни в интриги. Потому и переехал в Академию, подальше от родных лесов. Оказалось, наоборот – вляпался в самый эпицентр.

Но эльфята были еще цветочками.

Вчера к нему в беседку вломилась полувменяемая от похмелья девица. Та самая, с которой он столкнулся тогда в коридоре. Дан сам себе удивился, что запомнил ее. Мало того, еще и вызнал потом у Руперта, что за птица. Оказалось, преподаватель. Кто бы мог подумать.

Эту выскочку Маркос получил в штат неожиданно. Сама Алиманта Лира привела ее в кабинет, со словами, что девочка справится.

Девочка мало отличалась от первокурсницы. Чёрные как смоль коротко стриженые волосы, опущенные долу глазищи, кротко и чинно сложенные перед собой тонкие руки. Вся одежда темная, рукава длинные, юбка в пол. Выпускница пансиона благородных девиц, не иначе.

Магию ее опытный Маркос попытался прощупать еще с порога и сильно удивился. Наглухо замкнутый контур не пробил даже он, маг в шестом поколении, с потенциалом девять из десяти.

Девочка была вне категорий.

И он даже затруднился с определением ее спецификации.

Обычно все было ясно и понятно. Боевые маги ощущались металлической броней, стихийники – отголосками подвластной им стихии, алхимики просто видны были издалека по заляпанным мантиям. Лекари были свежестью и жизнью, анимаги пахли псиной. В лучшем случае.

Черноволосая пигалица ничем не пахла и никак не ощущалась. Если закрыть глаза, можно было подумать, что ее вообще нету в кабинете.

У бывалого мага забегали мурашки.

Девушка вскинула на него полупрозрачные, призрачные глаза и была немедленно принята на должность.

На устрашение студентам.

Приказ ректор подписывал с некоторой долей нездорового предвкушения. Наконец-то оболтусы получат преподавателя, которого можно и нужно бояться. А то Рэнделла, преподавателя по алхимии, студенты в грош не ставят, предмет Лиры прогуливали как хотели. А Рафри вообще профессию позорит своими тайными и не очень увлечениями.

Дан был приятным исключением. Лекарский факультет с его приходом стал пользоваться просто бешеной популярностью, но вот успеваемость женщин-лекарей при этом резко упала.

Маркос ехидно хихикал, делясь информацией. Даже поинтересовался, не запал ли старинный друг на экзотику. Дан на него посмотрел, как на чумного. Кто в своём уме заинтересуется этим… Этим?

И вот Это ввалилось прямо в его беседку, и дыша перегаром, поинтересовалось, не сидит ли он случайно на ее заначке.

Оказывается, не он один нашёл и облюбовал беседку. Хотя, он раньше, и у него больше прав, с некоторым удовлетворением уровня детского сада подумал Дан.

– Нет, не сижу. – с достоинством ответил он невменяемому недоразумению.

– А мне вот почему-то кажется, что я именно под этой скамейкой бутылку оставила. – задумчиво протянула магичка.

И полезла проверять.

Как она умудрилась нырнуть под скамейку так быстро, что он и ноги сдвинуть не успел? И теперь сидел, как идиот, пялясь на приятно округлый зад, неприлично обтянутый шерстяной юбкой, который вилял и поигрывал между его широко расставленными коленями.

Годы целибата даром не прошли. Дан на мгновение представил, как сюда – разумеется, чисто случайно – забредает ректор. Или кто-то из новенькой пятерки.

Ему стало дурно.

Девица вынырнула из-под скамейки, но отползать не спешила. Качнула пустой бутылкой, сокрушенно потрясла ею в воздухе.

– Твою мать. Я и забыла, что ее уже выпила. – с чувством произнесла она. И воззрилась с надеждой на Дана. – А у тебя, случайно, не завалялось чего на опохмел? Вы, конечно, все трезвенники-язвенники, но из дубовых листьев наливочку гоните – ммм!

Она с чувством причмокнула.

Дан тяжело вздохнул. Размял захрустевшие пальцы.

Давненько он не практиковался.

Занятия по целительству не в счёт. Студенты не смели появляться в Академии в подобном состоянии, а практических занятий по таким вопросам Дан не проводил. Все, что им надо, сами в учебнике найдут. И про опохмел, и про противозачаточные.

Молодежь, она такая.

Он взял лицо девушки в ладони, концентрируя плетения на висках, где начиналась боль. Чуть скривился от волны перегара, которую не могла приглушить даже ментоловая зубная паста и кофе. Девчонка старалась спасаться подручными средствами, молодец.

Не повезло ей, что лечить самому себя невозможно. Особенно голову. Переломы рук-ног еще как-то получается, если сила воли есть – нужно сплести нужный узор, вложить силу, приложить его в нужную точку и правильно влить. А когда не видишь, что делаешь, может получиться все совсем не как задумано.

– Тебя как зовут хоть? – чтобы отвлечь ее от не самых приятных ощущений, задал он вопрос. Маркос говорил ему имя новой преподавательницы, но оно почему-то вылетело из головы. А сейчас было даже любопытно.

– Лекса. – она поморщилась, покрутила головой, высвобождаясь из его рук.

Дан почему-то об этом пожалел. Ее прохладная кожа приятно остужала ладони в густом влажном воздухе оранжереи.

– Это как героя древности? – ему хотелось, чтобы Лекса на него посмотрела. Глаза уже не нервировали, как в первую встречу. Проснулось любопытство целителя-исследователя. Откуда взялся подобный оттенок? Она плохо видит, может была травма, или это врожденный дефект?

Девушка посмотрела на него, и по телу побежали мурашки. Ее сила просканировала его, играючи восполнила резерв – против его воли, даже не спросив – и схлынула, оставив ворох мурашек на спине и испарину на лбу, вызванную вовсе не простеньким лечением.

– Как героя, ага. – она фыркнула каким-то своим мыслям, небрежно оперлась об его колени и встала.

От ее легкого прикосновения у него тоже встало.

С целибатом пора завязывать. Если уж его подобные невменяемые возбуждать начали, дело плохо.

– Спасибо за лечение. – теперь она вовсе не походила на жалкую алкоголичку, которая вползла в беседку за заначкой. Прямая спина, четкие отточенные движения хорошего воина, даже лицо изменилось.

Неплохо он поработал, гордо подумал Дан.

От одного воспоминания о ее пальцах на своих коленях, он снова возбудился. А когда представил, что было бы, если бы эти пальцы пробрались чуть выше…

Данатриэль решительно встал, размял спину, отлёжанную на жесткой постели. Как люди спят на таком ужасе, было выше его понимания. В эльфийских долинах перины набивали сушеным мхом семейства виттус, мягким и пушистым, еще и испарявшим способствующий сну аромат. Но увы, вывозить перины за пределы долин было запрещено.

После вынужденного целибата, пожалуй, самая большая жертва, принесенная лекарем по приезду к людям – сон на местных матрасах. Данатриэль хрустнул шеей, вышел на террасу.

В наступивших сумерках весело алело висевшее на веревке нижнее белье. Надо бы ей сказать, что балкон и кружевные игривые трусики, рядом со студентами – не лучшее сочетание.

С этим соседством ему помогать Маркос тоже отказался.

Дан был категорически против соседства с невменяемой девицей. И дело было даже не в странной прическе и нечеловеческих – неизвестно, какой расы, у эльфов точно таких не бывало – глазах.

Спать стало совершенно невозможно. Как только Дан закрывал глаза, наверху что-то ухало, бухало, или вообще тянуло потусторонней энергией так, что оставалось только ставить щиты и ждать, когда полегчает.

Версию со слабой магичкой, которую спасают только браслеты-накопители, пришлось оставить. От слабых магичек не несёт сырой силой так, что корежит даже целителя душ со стажем.

И после их лечения лианы цвести не начинают. Дан сам очень удивился, когда вышел из беседки и обнаружил одуряюще пахнущие белые цветы на темно-зеленом вьюнке. Это ж какой силы был их совместный магический выброс, что зацвели даже ампели, которым в принципе и цвести-то не полагается, они размножаются усами.

Прошлой ночью он не выдержал, и глянул на ее ауру. От увиденного его штормило до утра. Сквозь потолок просвечивало яркое, сильное, бесконечно чёрное сияние. Дан такого цвета не видел никогда, ни на одной расе. Живая тьма клубилась вокруг того места, где, очевидно, была ее кровать, просачиваясь сквозь тонкие перекрытия мохнатыми щупальцами.

Как любой целитель, Дан первым делом попытался прощупать странную ауру. Та в ответ ощетинилась. Деликатно, но вполне ощутимо ему давали понять, что соваться без приглашения не следует.

И он отступил.

Ничего, скоро ей снова понадобятся услуги целителя. В этом он не сомневался.

И уж тогда он задаст все накопившиеся вопросы.

5

Лекса

Несмотря на бурно проведённую ночь и изрядное количество употреблённого спиртного, Лекса умудрилась заснуть. Уже под утро, на пару часов, но это было больше, чем организм позволял ей в подобных случаях.

Кошмары не беспокоили, или она их не запомнила. И то, и другое магичку вполне устраивало.

Она вышла на обширный балкон, открывавший шикарный вид на Академию, столовую, стеклянные купола ботанического сада, и видневшуюся далеко внизу, на берегу моря, столицу. Втянула свежий утренний воздух, радуясь предстоящему ленивому выходному. Выдохнула. По обнаженным рукам пробежали мелкие мурашки, но прохлада радовала Лексу. Раз она все еще способна мерзнуть, значит она жива.

– Не могли бы вы дышать в сторонку, подальше от моих сцилоферусов, им вреден алкоголь в таких количествах. – Раздался снизу недовольный голос. Сосед? Ей же обещали, что во всем здании она будет одна.

Основная масса преподавателей при заключении постоянного контракта получала от короля жильё в столице или пригороде, а временные учителя предпочитали снимать или покупать дом подальше от «рассадника спиногрызов», чтобы хоть дома отдохнуть от работы.

Лексе пришлось здесь селиться поневоле. Ее задание включало в себя постоянную проверку территории Академии и контроль за происходящим и проживающими. Особенно студентами. Так что на ближайшие пять лет ей придётся дневать и ночевать на работе, буквально.

Так что соседство было неожиданным. Кто же этот трудоголик?

Любопытствующая Лекса перегнулась через парапет и чуть не упала. На неё смотрела перевёрнутая, крайне сердитая даже в таком положении физиономия давешнего эльфа.

Лекса поспешно вернулась в вертикальное положение. Вот ведь угораздило. Нервно поправила бретельки полупрозрачного пеньюара. На работе приходилось одеваться практично, немарко и неброско, что не мешало ей отрываться на белье.

Кружевницы и белошвейки заведения мадам Торрин боготворили Лексу – она не была жадной и позволяла копировать свои заказы. Дамы полусвета готовы были тратить бешеные деньги на тонкие, воздушные изделия, сводившие с ума мужчин.

Неизвестно, что этот лопоухий успел разглядеть, но голос его, когда он снова заговорил, звучал как-то странно.

– А еще я хотел спросить, что вы такое делаете по ночам, что дом аж дрожит. Ворожите на меня втихаря? Имейте в виду, у меня иммунитет к любистокам!

– Нужен ты мне больно. – Пробурчала Лекса, ретируясь с балкона и плотненько закрывая за собой дверь. Клятый эльф, похоже, думал, что все женщины в Академии от него без ума. Остальные – возможно, но не она.

Он, конечно, молодец, что помог ей тогда с похмельем. И в какой-то момент ей даже захотелось придвинуться поближе – так хорошо от него пахло. Лекса часто оценивала людей по запахам. Чутко развитое обоняние просто не позволяло ей полноценно общаться с теми, от кого пованивало.

У эльфа оказался очень даже приятный аромат – сосновый лес, свежая трава и нотки свежевскопанной земли.

Хотя последним пахло скорее от ее собственных рук. Сколько бы она не отмывалась, легкий аромат кладбища преследовал ее весь последний месяц. Лекса уже настолько с ним сроднилась, что перестала воспринимать. Главное, что не трупами разложившимися воняет, остальное она переживет.

Надо бы зайти к ректору. Отчитаться о неделе, проведённой с молодняком, заодно попросить отселить этого ушастого. Только соседей ей не хватало. А ну, как прибьет его ненароком ночью?

Маркосу только недавно объяснили, кем собственно является его новая сотрудница. Он все порывался ее одернуть, воспитать и привести в надлежащий педагогу вид. Пришлось раскрыть карты – в меру, конечно.

Задание короля, тайная слежка и контроль за эльфами и прочими неблагонадежными элементами.

Ректор проникся. Донимать придирками перестал, зато теперь требовал еженедельный отчёт. Вроде как его территория, как он будет за неё отвечать, если не знает, что на ней толком творится.

Натянув безразмерный, вытянувшийся от многочисленных стирок, но все еще любимый свитер поверх длинного шерстяного платья в пол – пусть мужик порадуется, как она соответствует имиджу Академии – Лекса вышла в сад. До центрального здания недалеко, замерзнуть не успеет.

Дело двигалось к зиме. Первая ночь года уже не за горами, и по утрам периодически подмораживало.

На голову что-то капнуло.

Вскинув голову, она убедилась – ушастый вредитель поливает свои цветочки, чтоб ему икалось. И конечно же, чисто случайно промахнулся из лейки прямо ей на голову.

С трудом удержав на кончиках пальцев готовое сорваться плетение на чих и понос одновременно, гордо вскинула подбородок и отошла в сторону от очередной струи.

Детский сад, честное слово.

Маркос занят не был.

Хотя она особо и не спрашивала, занят ли он. Просто прошла в кабинет без стука и закинула ноги на стол ректора. Не столько для удобства, сколько чтобы показать, кто тут главный. Руперт Маркос поморщился, но промолчал, выразительно подняв бровь.

– Доброе. Вроде бы. – Лекса сплела пальцы на животе, устраиваясь поудобнее в качающемся на двух задних ножках кресле для посетителей.

– И тебе не кашлять. – ректор не был уверен, как обращаться с королевской засланкой. Авторитет не позволял скатываться совсем уж в оскорбительный тон, но и обращаться с ней уважительно, при том, как она хамит, не хотелось.

– Докладываю. Эльфята не шалят, на лекции ходят как миленькие. В окна к ба..рышням больше не лазили. По вечерам тихо сидят в общежитии. В городе еще не были, что кстати подозрительно.

Ректор нахмурился. Пятеро эльфов, по легенде никогда не бывавших дальше собственных лесов, должны были первым делом побежать навстречу приключениям. Осмотреть город, искупаться в море, пока погода позволяет. А они сидят взаперти, за стенами Академии. Культурные особенности? Или их неизвестная задача и цель – именно здесь, в СГАМе?

Объединенные общими думами, маги помолчали. И как только Руперт решил, что не такая уж эта засланка и засланка, как она снова все испортила.

– А как наш целитель относится к новеньким? – поинтересовалась Лекса.

– Не знаю, как он к ним относится. Я не спрашивал, а он не говорил. – ушёл от ответа ректор. Магичка покивала каким-то своим мыслям.

– Это не новость. Ушастые не любят делиться информацией, и тем более планами. Кто знает, что у них на уме.

Ректор уже явно еле сдерживался.

– Дан сам по себе. И нет у него никаких планов, тем более скрытых. Он здесь, можно сказать, вообще от сородичей прятался.

– Вот именно! – Лекса значительно подняла палец к небу. – Оно и подозрительно.

Маркос насупился, разрываемый между желанием доказать что-то королевской выскочке и верностью данному слову. Честность победила, и развивать тему он не стал. Лекса понимающе хмыкнула.

– А вот совесть советую отключить. Дружба дружбой, а разведка врозь. – бросила она напоследок, вместо прощания, и нагло телепортировалась прямо из кабинета.

Ректор снял очки и устало, привычным жестом потер переносицу.

– Она вообще в курсе, что на Академии стоит блокировка телепортов? – пробормотал он без надежды на внятный ответ от мироздания.

Выходные оказались не такими уж ленивыми, как ей бы хотелось. Умертвия вылезали целыми стаями, пришлось помотаться по региону, упокаивая нежить. Столько сил и телодвижений, сколько потребовалось на ту навь, она не тратила, но восемь телепортов за двенадцать часов, сорок два полуразложившихся трупа и – особенно – беседы с безутешными родственниками, вымотают кого угодно.

С людьми Лекса предпочитала не общаться. Куда лучше у неё получалось с нежитью. Но Джерри твёрдо объявил, что она должна создать позитивный образ среди окрестных жителей. Чтобы они запомнили не жуткие синюшные рожи восставших близких, а милую, героическую девушку-спасительницу.

Психолух хренов.

И теперь после каждой зачистки приходилось еще и с народом общаться. Успокаивать, обещать присмотреть и не допустить.

А еще навешивать двойные маяки втихаря. Чтобы в следующий раз отловить тварь до того, как она сунется на родное крыльцо.

Хорошо, хоть без жертв пока обходилось. Кроме того бедняги-флориста. Да и тот сгинул, скорее всего, по ошибке.

Но люди нервничали, и как бы ни старалась Лекса производить благоприятное и успокаивающее впечатление, обстановка накалялась.

Сил ближе к заре оставалось только на то, чтобы телепортироваться домой. А там уже поджидали родные кошмары и отходняк. Их Лекса глушила спиртным, разной степени выдержки.

Помогало лишь отчасти.

Рабочим утром Лекса, основательно мучимая похмельем, вышла на балкон, под предлогом развешивания свежестиранного белья. Манёвр не удался.

Во-первых, сыпался противный осенний дождь, когда неясно, капает ли сверху, или просто очень густой туман висит. Вешать белье в таких условиях могла только полная идиотка, и вызывающе-зеленые стринги пришлось унести обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.